

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМ ПОЗДНЕЙ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

© 2022 г. Н. В. Лопатин*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: n.lopatin@gmail.com

Поступила в редакцию 23.08.2021 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

На материале керамики исследуется проблема происхождения археологических культур последней четверти I тыс. н.э. в северной части расселения восточнославянских племен, ставших основой формирования Новгородской, Смоленской и Полоцкой земель. Излагается новая, хотя и основанная на наблюдениях ряда современных исследователей, гипотеза: два основных сюжета формирования керамических наборов четвертой четверти Северо-Запада – керамики с ребром (ладожского типа) и без ребра (с округлым плечом) – находят свои истоки среди местных древностей, на территории от верховьев Волги, Двины и Мсты до озера Ильмень. Прослеживаются связи, заполняющие кажущийся культурный разрыв VIII в. В более раннее время (вторая четверть I тыс.) эти традиции начали формироваться в Верхнем Поднепровье и Подвинье. Оспаривается концепция “второй волны” славянской колонизации Северо-Запада, основанной на далекой массовой миграции.

Ключевые слова: длинные курганы, удомельский тип, лепная керамика, ладожский тип, ранние славяне.

DOI: 10.31857/S0869606322030096

В статье рассматривается характер культурных изменений в северной части ареала древностей “накануне Руси” на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс. н.э.

Происхождение всех культур последней четв. I тыс. от Смоленского Поднепровья до Ладоги, которые стали базой формирования Руси, остается загадкой. Заметен культурный разрыв, приходящийся на VIII в. Однако детальное рассмотрение керамических наборов в ряде регионов позволяет гипотетически перекинуть “мостики”.

При изучении культурогенеза второй половины I тыс. на территории Верхнего Поднепровья и русского Северо-Запада необходимо держать в поле зрения следующие основные блоки культур.

Для V–VII вв.: (1) древности типа Тушемля-Банцеровщина (Верхнее Поднепровье и Подвинье, средняя Белоруссия; в рамках этого традиционного для историографии объединения намечается не менее 4–5 культурно-хронологических групп: Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 92–103); (2) колочинская культура (Обломский, 2016); (3) пражская культура (Гавритухин, 2009); (4) культура псковских длинных курганов (далее – ПДК; в ее рамках намечены три локальных варианта: Лопатин, 2003; Михайлова, 2014; Исланова, 2016); (5) бескурганные культурные группы Северо-

Запада, иногда именуемые “предсопочными”, всего их не менее пяти (Исланова, 2016; Еремеев, Дзюба, 2010).

Для VIII–X вв.: (6) культура смоленских длинных курганов (далее – СДК), включая города и сельские поселения в их ареале (Енуков, 1990; Шмидт, 2012; Еремеев, 2015, Кренке и др., 2020); (7) северные варианты культур райковецкой и роменской (Енуков, 1990. С. 167–173; Макушников, 2009. С. 22–31; Касюк, 2019. С. 623); (8) памятники с керамикой типа СДК за пределами ареала последних – города, сельские поселения, поздние ПДК и сопки (Лопатин, 2007; Михайлова, 2014; Горюнова, 2016); (9) памятники с керамикой ладожского типа (в основном бассейны рек Мсты и Волхова), включая города, сельские поселения и сопки (Плохов, 2005; Еремеев, Дзюба, 2010; Сениченкова, 2011).

Несмотря на большое значение керамики блоков 6, 8, 9 для изучения истории населения северной части раннеславянского мира преддревнерусского времени, происхождение этих гончарных традиций до сих пор не имеет убедительной трактовки.

Не раз исследователи обращали внимание на сходство наборов блоков 6 и 8 с керамикой пражской культуры (блок 3), а также с синхронными

наборами блока 7 (Шмидт, 1963. С. 187; 2012. С. 39; Седов, 1978. С. 66; Енуков, 1990. С. 89, 90; Исланова, 1997. С. 25; Щеглова, 2002. С. 146; Конецкий, 2003. С. 209, 210; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482).

И.И. Еремеев пытался определить исходный район славянской миграции VIII в. на Северо-Запад вплоть до Поволжья на территории Белоруссии – в области между Припятью, Неманом, Западной Двиной и Днепром. Для этого он анализировал материалы трех памятников (блоки 6 и 8) – Витебск, Лукомль, Жужлянка (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 437–480). Гипотеза представляется неубедительной: она фактически опирается на материалы уже четвертой четв. I тыс., происхождение которых не изучено. Нет среди них и прототипов ладожской керамики.

Предполагаемые параллели между керамикой блоков 6, 8, с одной стороны, и 3, 7, с другой, служат одним из аргументов сторонников теории “второй волны” славянской колонизации Северо-Запада, в пользу которой привлекают также данные о проникновении на север элементов южных культур – хозяйственно-бытового комплекса и металлических украшений (Минасян, 1982; Нефёдов, 2000. С. 197; Щеглова, 2002; Казанский, 2020). Замечу, что несомненные параллели, прослеживаемые по металлическим вещам приблизительно VIII в., не обязательно говорят о массовой миграции населения с юга.

Проблема происхождения керамики ладожского типа (блок 9) начала проясняться в начале 1990-х годов после введения в оборот И.В. Ислановой материалов удомельского типа (Исланова, 1997. С. 63). Эти материалы привели В.В. Седова к отказу от идеи второй волны славянской колонизации Северо-Запада, связанной с культурой сопки (Седов, 1995. С. 246).

Данный обзор опирается на два положения, выработанные к настоящему времени, хотя до сих пор дискуссионные. Во-первых, о местном происхождении гончарных традиций четвертой четв. I тыс. на Северо-Западе (Исланова, 1997; 2017. С. 84; Седов, 1995; Лопатин, 2006. С. 338, 339; 2009; Сениченкова, 2011. С. 223; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 98, 99, 481, 482; Носов, Плохов, 2016. С. 356, 357; Платонова, Жеглова, 2021. С. 192). Во-вторых, о тесной взаимосвязи двух основных форм керамики – с округлым и ребристым плечом (Конечский, 2003. С. 210; Лопатин, 2007. С. 220, 221; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482).

Из массива керамики перечисленных блоков отберем материал, важный для рассмотрения обозначенной проблемы, приблизительно оценив, где это возможно, долю той или иной характерной формы в наборе.

Подчеркну, что поиск истоков культурных групп в пределах одного и того же периода (что

зачастую делают), представляется некорректным. Исследуя генезис традиций, не следует смешивать его с рассмотрением разнообразных горизонтальных связей.

Инструмент сопоставления перечисленных культурных групп – типология керамики. Она охватывает материалы всех групп, кроме самых южных, в равной степени. Применяемая типология разработана мною давно, но позднее дорабатывалась и дополнялась (Лопатин, 2018. Рис. 2). Она обсуждается и находит применение в работах коллег (Исланова, 2006. С. 224; 2016. С. 160; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482; Носов, Плохов, 2016. С. 355, 356; Конечский, 2016. С. 315, 317 и др.). Здесь она дополнена главными формами четвертой четв. I тыс.: тип 10 разделен на варианты а и б (с прямым и отогнутым краем), а также добавлен ладожский тип, которому присвоено обозначение Р-5 в продолжение отдельной нумерации ребристых форм (рис. 1). Эти три типа соответствуют основным формам типологии И.И. Еремеева – вариантам 1.1, 1.2 и группе 4 соответственно (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 378).

Поскольку сравнение целых форм с фрагментами приводит к некорректным выводам, сводная схема (рис. 1) оформлена для фрагментарного материала: универсальный размерный критерий – высота фрагмента от верха сосуда составляет 0.8 минимального радиуса в верхней части формы.

Перейдем к рассмотрению вероятных связующих звеньев между керамическими наборами третьей и четвертой четв. I тыс. на Северо-Западе.

Главный тезис: вместо керамики пражской культуры основными предшественниками керамических форм с округлым плечом четвертой четв. I тыс. на Северо-Западе (типы 10а и 10б) я считаю типы 1, 2, 7 и 11 моей схемы. Из них первые три характерны для киевской культуры верхнеднепровского (тип Абидня) и западнодвинского (круг Заозерье-Узмень) вариантов, которые общими пропорциями сходны с пражскими формами. Тип 11 формируется на основе традиций киевской культуры более локально – в типе Узмень. Характерными особенностями типа 11 являются усиленная профилированность элементов верхней части (венчика, шейки и плечика – иногда всех вместе, а иногда по отдельности), а также отогнутость венчика наружу. Типы 1 и 7 в некоторых проявлениях весьма близки типу 10а, а тип 11 соответственно – типу 10б. Как в ранних материалах, так и в более поздних встречаются экземпляры с профилировкой переходного характера (таблица, рис. 2, 3). Керамика ладожского типа – с ребром в верхней трети (тип Р-5) – также находит свои прототипы (тип Р-1) среди местных древностей, начиная с памятников типов Абидня, Заозерье, Узмень (таблица, рис. 2, 3; Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 22, 23, 30).

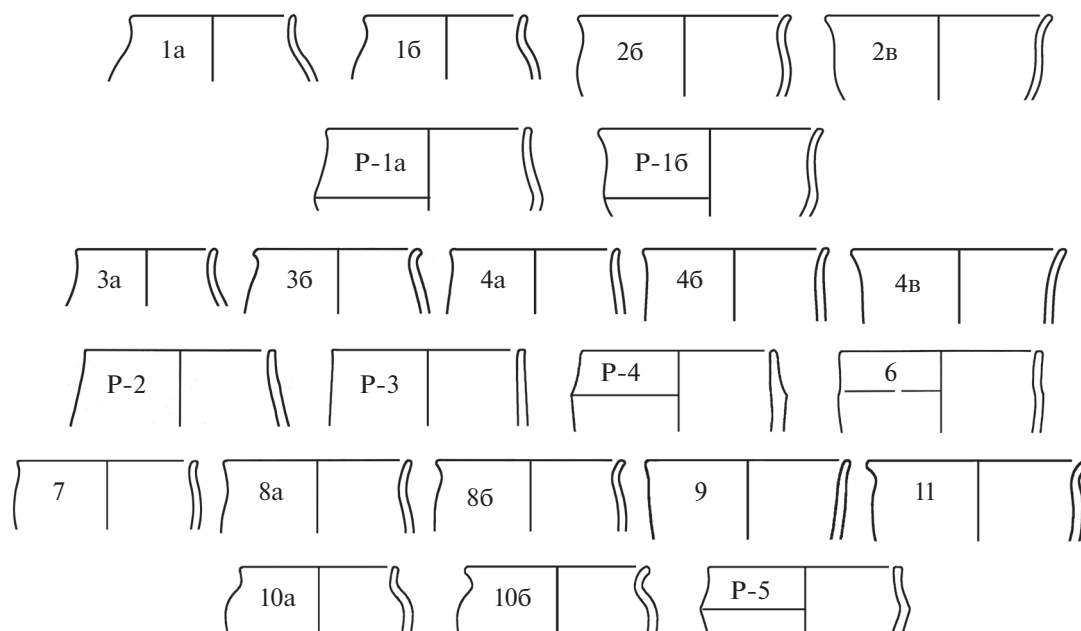

Рис. 1. Типология лепной керамики Верхнего Поднепровья и Северо-Запада (ок. 250–1000 гг. н.э.).

Fig. 1. Typology of hand-made pottery of the Upper Dnieper and the North-West of Russia (c. 250–1000 AD)

Перечисленные варианты с тенденцией развития в сторону форм четвертой четв. I тыс. будем называть “перспективными” (основные из них – типы 7, 11 и P-1). На взаимосвязи периодов третьей и четвертой четв. I тыс. указывает также присутствие на поздних памятниках архаизмов (типы 3, 4, 8, 9); их отмечает для этого времени И.И. Еремеев (группы 3 и 5 его типологии: Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 379, 380).

В Мстинско-Валдайском регионе в третьей четв. I тыс. известны памятники ПДК и бескурганые древности нескольких групп, выделенных И.В. Ислановой (мстинская, удомельская и верхневожская). Сравнение керамических наборов эталонных памятников этих групп сделано И.В. Ислановой (Исланова, в печати. Рис. 220). Хотя наши определения типов керамики совпадают не полностью, общие выводы близки: наблюдается значительное сходство керамических материалов с точки зрения присутствия “перспективных” форм.

На материалах памятника Юрьевская Горка (Исланова, 1997) была обоснована гипотеза о местном генезисе культуры сопки. Помимо ряда публикаций автора раскопок, могут опираться также на собственное ознакомление с частью коллекции¹. Наиболее массовы среди керамики памятника типы 1б (рис. 2, 1), 7 и 10а, которые выглядят как варианты единого массива (Исла-

нова, 1997. Рис. 35, 1–5, 10–13; 36, 1–7, 11; 37). Остальные формы – типов 11 (рис. 2, 2), 10б, слабопрофилированные типы 9, 6, 3б(?) и 4а(?), – немногочисленны. Экземпляров с едва намеченным ребром также немного (см. также об этом: Сениченкова, 2011. С. 223), поэтому данный памятник следует считать предшественником того варианта “сопочных” древностей, для которого не характерна ладожская керамика (Плохов, 1992. С. 121; Конечский, 2003. С. 210).

На селище Леонтьево мстинской группы (Исланова, 2006. Рис. 79–81) наиболее явно определяются типы 1б, 7, 11, 10а и формы со сглаженным ребром, близкие по пропорциям к типу P-5.

Типологические определения керамики “перспективных” и профилированных форм, представленных на рисунках 2 и 3

Typological definitions of pottery of “perspective” and profiled forms presented in figures 2 and 3

Тип	Рисунок 2, позиция	Рисунок 3, позиция
1б	1	–
2б	11	–
7	–	4, 7, 10, 15
10а	3, 5, 8, 13	6, 12, 16
11	2, 6, 7, 9, 10, 12	5, 13, 14
10б	10	–
P-1	4	1–3, 8, 9, 11
P-5	14, 15	–

¹ Благодарю И.В. Исланову за предоставленную возможность ознакомления с материалами.

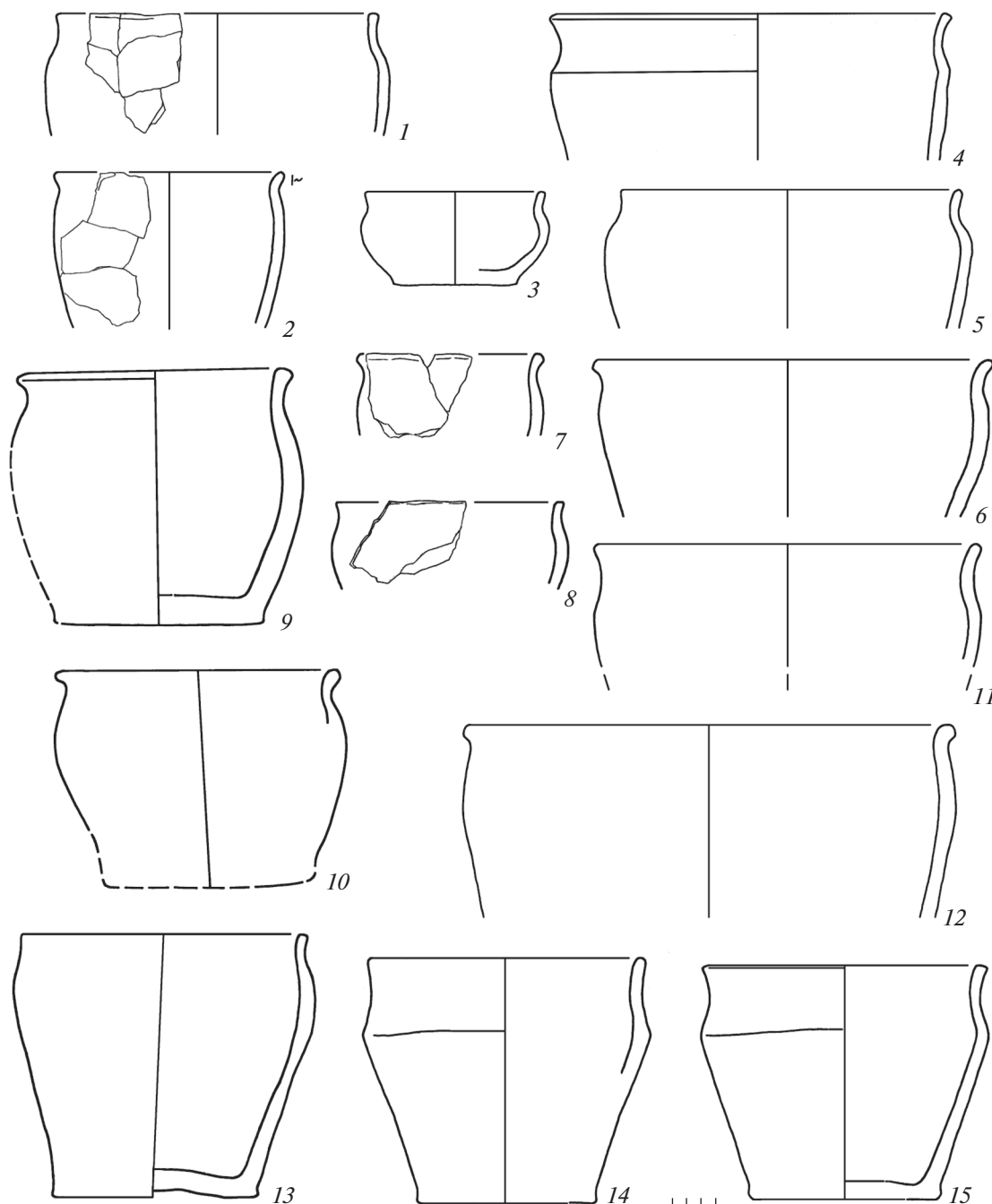

Рис. 2. Керамика Мстинско-Валдайского региона “перспективных” и профилированных форм. 1, 2 – Юрьевская Горка; 3–6 – Шихино; 7, 8 – Городок на Шлине; 9 – Потерпелицы; 10 – Липицы; 11, 12 – Пуйга; 13 – Подол на оз. Кафтино; 14 – Яблонька; 15 – Шитовичи. Рисунки автора.

Fig. 2. Pottery of the Msta-Valdai region of “perspective” and profiled forms. Drawings by the author

В бассейне верхнего течения Мсты и в соседних микрорегионах исследовано довольно много погребений ПДК (в том числе несколько грунтовых) с керамическими сосудами, из которых примерно половина имеет “перспективные” формы: Обрынь, Липицы, Потерпелицы (Лопатин, 2003. Рис. 8, 2, 3; 9, 7–9б), Медная Гора, Овсище, Пуй-

га, Липовицы, Норфино, Шитовичи, Богатково, Иваново, Шихино, Березино, Подол, Яблонька (Исланова, 2006. Рис. 84–106). Большинство сосудов, связанных с трупосожжениями, относится к типам 7, 11, 10а, 10б, Р-5 (рис. 2, 3–6, 9–15). По сравнению с поселенческими материалами, преобладают раскрытые формы типов 11 и

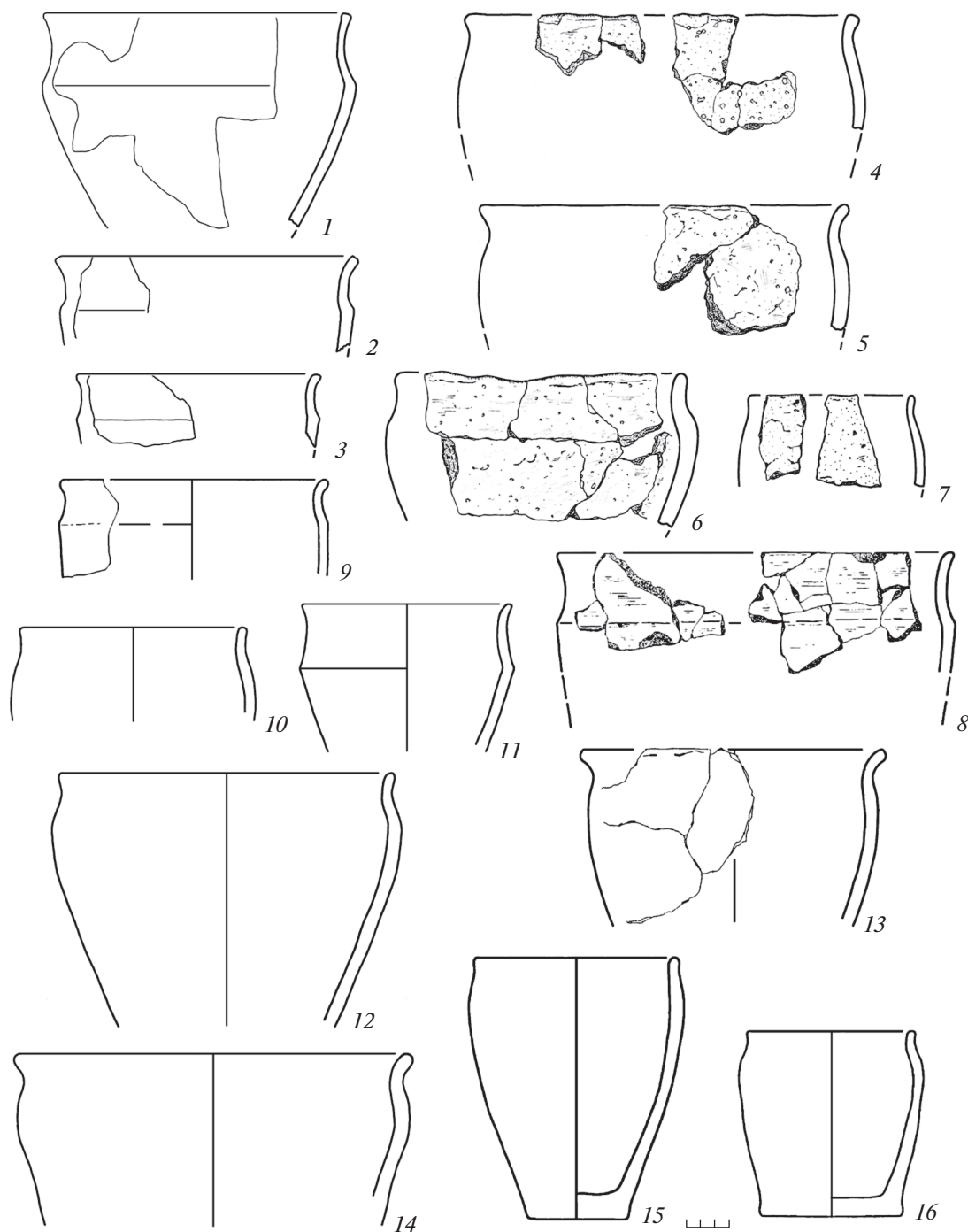

Рис. 3. Керамика “перспективных” и профилированных форм из разных регионов. 1 – Суходол; 2 – Подол; 3 – Рогово; 4–8 – Городок на Маяте; 9 – Бураково; 10–12 – Микулино; 13 – Узмень; 14 – Акатово; 15 – Жабино; 16 – Новосёлки (4–6, 11, 12 – показана верхняя часть целых форм). 1–3 – по: Исланова, 2014. С. 35, 36; 4–8 – по: Еремеев, Дзюба, 2010. С. 73, 88, 95, 97; 16 – по: Плавинські, 2017. С. 146; 9–15 – рисунки автора.

Fig. 3. Pottery of “perspective” and profiled forms from different regions (4–6, 11, 12 – the upper part of whole forms is shown)

106. Вероятно, это связано с тем, что в культуре ПДК вообще для погребений отбирались раскрытые сосуды.

Трансформации культуры ПДК, и в частности, в Мстинско-Валдайском регионе, изучены недостаточно. Согласно выводам И.В. Ислановой,

культура развивается здесь и в четвертой четв. I тыс. на основе собственных традиций, лишь отдельными признаками перекликаясь с СДК (Исланова, 2006. С. 54, 55). Представлены погребения всех периодов развития культуры ПДК (Михайлова, 2014. С. 204, 210, 213; Исланова, 2018. С. 240, 241), но большинство комплексов относится все же к периоду середины V – VIII в. (Исланова, 2006. С. 109). К сожалению, керамические формы редко встречаются в узко датированных комплексах, поэтому нельзя исключать широкую датировку некоторых сосудов, включающую какую-то часть четвертой четв. I тыс. (рис. 2, 4–6, 11).

Ребристые сосуды из кургана 2 могильника Яблонька (рис. 2, 14) и грунтового погребения Шитовичи (рис. 2, 15) практически соответствуют некоторым вариантам ладожской керамики (Сениченкова, 2011. Рис. 1, *ФIII*, *ФIV*).

Все перечисленные типы представлены и на селище культуры ПДК Городок 1 на р. Шлине (Исланова, 2006. Рис. 67–78)², но ассортимент керамики здесь богаче: обычны “перспективные” типы 7, 11 (рис. 2, 7) и вполне оформленные – 10а (рис. 2, 8) и реже 10б. Наряду с ними присутствует слабопрофилированная керамика типов 4б, 8б и 9. Немногочисленны ребристые сосуды. Оформление ребра разнообразно, некоторые варианты индивидуальны и не могут быть однозначно соотношены с типами нашей схемы, лишь в отдельных случаях – с более поздним типом Р-5.

Характеристика древностей **Верхневолжья** сделана в нескольких обобщающих публикациях И.В. Ислановой (2012; 2014; 2016). Регион входит в ареал ПДК; здесь же выявлена группа памятников типа Подол, которая распространена кроме этого и далее к юго-востоку – в ржевском течении Волги. И.В. Исланова считает керамический набор типа Подол своеобразным, но определяет и соответствия выделяемых групп керамики типам моей схемы (Исланова, 2014. С. 27, 28; 2016. С. 160). Главная особенность этого набора – значительная доля типа 6(б) (мощинского круга) и ребристых форм. На мой взгляд, к типу 6(б) следует относить только часть керамики, включаемой И.В. Ислановой в эту группу, а именно, экземпляры с уступом выше закругленного плеча. Напротив, формы с заострением плеча и плавной шейкой для мощинской культуры не характерны (Массалитина, 1993; Воронцов, 2013. Рис. 10); их правильнее рассматривать вместе с ребристыми. Последние, вопреки мнению И.В. Ислановой (2014. С. 27), весьма близки профилировке ладожской керамики – слегка выпуклая или прямая траектория расширения тулова, резкий перегиб на уровне плеча и дугообразная верхняя часть

(рис. 3, 1–3). Керамика плавных профилей принадлежит типам 7, 11, 10а, 10б, изредка 8б и 9 (Исланова, 2014. Рис. 4–7; 2016. Рис. 49–59) и таким образом также имеет отношение к формирующим керамическим наборам четвертой четв. I тыс.

Наборы керамики поселений и курганов ПДК на этой территории (Залесье, Пески, Тухачево, Гриново) не очень представительны. Кажется, для них более обычна слабопрофилированная керамика типов 3 и 4, но есть также 16, 6, 10а, 11 (Исланова, 2012. Рис. 46, 47, 53, 54, 82, 83). Ребристые экземпляры имеют индивидуальные формы, но находящие аналогии на селище ПДК Городок 1 в Помостье (см. выше). Керамика из кургана Тухачево со сглаженным ребром входит в число прототипов ладожской керамики (Исланова, 2012. Рис. 112, 113).

В **Приильменье** и на Средней Мсте к настоящему времени довольно хорошо изучены древности третьей и четвертой четв. I тыс., чего нельзя сказать о понимании характера перехода между этими периодами. К первому из них относятся ранние материалы Городка на Маяте, селища Прость, городища Сельцо, селища Заозерье (Окуловское) и др.

На поселении Прость в 1997–1999 гг. впервые в Приильменье (если не считать городище Сельцо, материалы раскопок которого не были введены в научный оборот) была обнаружена слабопрофилированная керамика третьей четв. I тыс. – типов 4 и 7 (Носов, Плохов, 2002. Рис. 7). Открыт и особо важный для нашей темы комплекс постройки VIII в., в составе которого было несколько фрагментов “перспективных” форм и ребристых сосудов, имевших, по выражению публикатора, “определенные отличия” от керамики Ладоги (Плохов, 2008. С. 159, 160). А.В. Плохов резонно сопоставил весь этот комплекс с древностями Помостья и Удомельского поозерья, разобранными здесь выше.

На городище Городок на Маяте периоды V–VII и IX–X вв. разделены периодом запустения (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 407). Тем не менее в разновременных комплексах прослеживаются признаки взаимосвязей традиций. В раннем горизонте Городка (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 73–120) наряду с преобладающими слабопрофилированными формами (4б, 4в, 3б, 4а) присутствуют “перспективные” типы 16, 26, 7 и 11 (рис. 3, 4, 5, 7; Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 85, 1; 92, 2; 95; 98, 1, 3; 165, 1, 2). Есть прототипы варианта 10б (рис. 3, 5; Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 77, 1, 9; 85, 2). Важна находка развала сосуда типа 10а (рис. 3, 6) вместе с фрагментами типа 7 (рис. 3, 7) в надежном комплексе V–VII вв., в связи с чем, рассматривая также аналогии из памятников Прость, Обрын, Юрьевская горка, И.И. Еремеев делает справедливый вывод о возможном появлении профили-

² Благодарю В.А. Бузова и И.В. Исланову за предоставленную возможность ознакомления с материалами.

рованной керамики в бассейне Ильменя в третьей четв. I тыс. (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 99). В раннем наборе памятника присутствует лощеная ребристая керамика (рис. 3, 8), которая связана, вероятно, и с формами типа Р-1а из смоленского Подвинья, и с позднейшей керамикой типа Р-5. С другой стороны, в поздних комплексах Городка (IX – начало X в.) встречаются типы 7 и 11 (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 153, 1, 3).

Городок на Шелони. В современной публикации материалов раскопок 1969 г. лепная керамика делится на три хронологические группы, первые две – из одного и того же (нижнего) горизонта (слоя): (1) слабопрофилированная, характерная для культуры третьей четв. I тыс.; (2) с четким переходом от горловины к тулову (аналогии – VIII–IX вв.). В верхнем горизонте керамика иная: (3) с четкой ребристой профилировкой и более тонкими стенками, типичная для второй пол. IX – X в. (Плохов, Торопов, 2013. С. 272–275). Заметно, что керамика второй группы, количественно примерно равная первой, по профилировке имеет переходный характер к третьей группе (типично ладожской). Последнее обстоятельство, очевидно, свидетельствует об органичном совмещении керамики первых двух групп в комплексе нижнего горизонта.

На Рюриковом городище недавними раскопками открыты наслоения и остатки фортификаций VII–VIII вв., с которыми связана находка фрагментов сосуда типа 11 (Еремеев, 2019. С. 77–80. Рис. 10). Это открытие включает памятник в число пунктов, связанных с ранней славянской колонизацией Приильменя и развитием традиций “перспективных” форм керамики.

Новые раскопки проведены И.И. Еремеевым на Бронницком городище в нижнем течении Мсты, а также на ряде памятников **Среднего Помостья**. Ознакомление с отчетными материалами свидетельствует, что в третьей четв. I тыс. на них также бытовала керамика как слабопрофилированная (типы 3, 4, 9), так и “перспективных” форм (типы 1, 2, 7, 11), включая 10а и Р-5, более характерные уже для четвертой четв. I тыс.³

Селище Заозерье (Окуловское) в Среднем Помостье исследовалось В.Я. Конечким, который относит его к двум взаимодействующим культурам – ПДК и “предсопочной” – и датирует третьей четв. I тыс., не позднее рубежа VIII/IX вв. (Конечкий, 2016. С. 313–319. Рис. 3, 4). Керамический набор включает типы 16, 7, 9, 10а, 11 и Р-5. В наборе присутствуют классическая ладожская керамика и фрагменты с каннелюрой по ребру (Конечкий, 2016. Рис. 4, 1, 2).

³ Благодарю И.И. Еремеева за ознакомление меня с неопубликованными материалами.

Поселение Съезжее в междуречье Мсты и Чагодыши датируется от V–VI до VIII в. (вероятно, два периода с перерывом) и относится к культуре ПДК (Носов, Плохов, 2016. С. 368, 369). Набор керамики довольно однороден, преобладают 9 и 11 типы (реже встречаются 4 и 8), соответствующие типам 1–5 Плохова (С. 379–392). Профилировка плеча у большинства экземпляров слабая, и тип 11 здесь в основном сформирован за счет резкой профилировки шейки и венчика, часто имеющего утолщение по краю. Последний признак встречается в керамике других длиннокурганных памятников соседних регионов – Заозерье (Окуловское), Городок (на Шлине). Представлено всего несколько экземпляров, практически идентичных вариантам 10а и 10б – это тип 6 по Плохову (Носов, Плохов, 2016. Рис. 20, 1, 2; 21, 1, 5); эти экземпляры в основном связаны с поздней постройкой. В целом набор керамики производит впечатление “тупикового”: несмотря на характерность типа 11, он в деталях оформлен не таким образом, чтобы развиваться в сторону керамики четвертой четв. I тыс. (слабая профилировка плеча).

Местонахождение Заполье-3 в Верхнем **Полужье**. Небольшой керамический набор VII в. проанализирован на основе нашей схемы (Платонова, Жеглова, 2021. С. 189–192). Керамика делится на два типа – 11⁴ и 4, что приводит авторов к резонному выводу о бытовании здесь традиций профилированной керамики (тип 11, переходящий в 10б) и об отсутствии резкой смены традиций на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс.

Облик керамических наборов культуры ПДК **Псковско-Чудского региона** (“тип Жеребятино”) определяют архаичные типы 4 и 9, реже встречаются 7 и 8 (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 93, 96). Из ребристых форм заметен только тип Р-4. Поселенческая керамика, которая известна плохо, отличается от погребальной несколько большей закрытостью: если для погребений это варианты 4б и 4в, то на городище Сторожинец преобладает 4а (Попов, 1989. Рис. 2, 8–18).

Двинско-Ловатский регион культуры ПДК характеризуется подобным же набором погребальной керамики (“тип Дорохи”): типы 4, 9, Р-4, дополнительно встречается тип 11 (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 92–95). Поселенческий набор выделен в “тип Жабино”, поскольку отличается составом: это типы 1, 2, 7 (рис. 3, 15). К сожалению, этих материалов до сих пор крайне мало: селище Жабино в верховьях Ловати, городище Турушино в верховьях Великой; единично встречен экземпляр типа 11 в комплексе селища Ермоши-

⁴ Сближение целой формы с типом 8 представляется мне неверным, поскольку стройность пропорций, к которой апеллируют авторы, в нашей схеме не является типобразующим признаком.

но, предположительно, третьей четв. I тыс. (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 67, 8). Однако они свидетельствуют, что эта зона, хотя и имела черты сходства с предыдущим регионом, была включена в ареал развития “перспективных” керамических форм.

Большая территория **Верхнего Поднепровья, Подвинья и Средней Белоруссии** занята в третьей четв. I тыс., согласно традиционной научной концепции, тушемлинско-банцеровской культурой, в составе которой намечен ряд разнородных культурно-хронологических групп (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 98–100). Здесь рассматриваем их все вместе, поскольку по признаку отсутствия или большой редкости “перспективных” керамических форм они все обнаруживают сходство.

К примерам наличия “перспективных” форм относится известное городище Банцеровщина в верховьях Свислочи, с которого, наряду с преобладающими архаичными типами 3, 4, 8 происходит серия фрагментов типов 1б, 2в, 7, 11, Р-1б (Лопатин, 2018. С. 56, 57, 60), однако все же их профили слишком плавны, что не позволяет видеть тенденцию к формированию типов 10 и Р-5.

В качестве опорного памятника банцеровской культуры в бассейне Вилии на западе Белоруссии А.М. Медведев трактует селище Микольцы V — начала IX в. (Медведев, 2011. С. 236–240). Набор форм довольно единообразен: по моей схеме определяются главным образом типы 1б, 7, 10а, которые теоретически можно выстроить в цепочку преемственности на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс. Однако автор не приводит оснований выделения разновременных комплексов и не комментирует серьезные отличия комплекса как целого от типичных наборов керамики банцеровской культуры, что оставляет интерпретацию памятника под вопросом.

Также в верховьях бассейна Вилии известны два памятника культуры ПДК третьей четв. I тыс. (крайний юго-запад их ареала), где наряду с типичной слабопрофилированной керамикой найдены два сосуда, сближаемых с вариантом 10а — Новосёлки (рис. 3, 1б) и Навры II (Плавинский, 2017. Мал. 126: 1; Плавинский, Тарасевич, 2021. Рис. 5, 24).

Примеров встречаемости “перспективных” форм в других микрорегионах немного, главным образом они замечены в **правобережном витебском Подвинье**: тип 7 на селищах Казиново и Горюдок, тип Р-1б на селище Бураково (рис. 3, 9; Колосовский, Штыхов, 2005. Рис. 6, 1; Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 49, 7, 15, 18), типы 1б, Р-1а, 7 на селище Зароново (Бубенько, 2019. Рис. 10, 1, 7, 8, 11), а также в смоленском Подвинье тип 11 в грунтовом могильнике Акатово (рис. 3, 14).

Е.А. Шмидт пишет, что керамика с высоко расположенным ребром характерна для ту-

шемлинской культуры **смоленского Подвинья** (Шмидт, 2003. С. 48). Ребристая керамика здесь появляется еще с первых веков н.э. (городище Самсонцы) и связывается с культурой поздней штрихованной керамики (датировка и атрибуция предположительны: Шмидт, 2002. С. 131, 163). Ряд экземпляров типа Р-1 есть на селищах Курлын, Дроково, Заозерье, Микулино (Шмидт, 2003. Табл. 31, 1; 33, 11–14; 2008. Табл. 57, 5; 60, 1, 2). В комплексах керамики памятников типа Заозерье (вторая четв. I тыс.) наряду со слабопрофилированными формами присутствуют типы 7, 10а и Р-1, примеры которых находим в материалах характерного памятника — селища Микулино (рис. 3, 10–12). Это наиболее ранний импульс развития “перспективных” керамических форм.

Как видим, в ареале древностей типа Тушемля-Банцеровщина (днепро-двинский регион) формы керамики, которые можно считать прототипами форм четвертой четв. I тыс., отмечены в римское время, а позднее не получают развития, сохраняясь местами в “угнетенном” состоянии. В третьей четв. I тыс. эпицентр развития “перспективных” керамических традиций перемещается к северо-востоку (Помостье, Верхневолжье, Приильменье). В чем же причина? На мой взгляд — в том, что в днепро-двинском регионе возобладали гончарные традиции не верхнеднепровского, а деснинского варианта киевской культуры, которые, кроме этого, стали основой более южных культур — колочинской и пеньковской.

На рубеже третьей/четвертой четв. I тыс. происходит повсеместное вымирание этих архаичных керамических традиций, и древности типа Тушемля-Банцеровщина разделяют эту судьбу, сменяясь культурой СДК. Южнее, в ареалах колочинской и пеньковской культур, приблизительно в это же время распространяются древности типа Лука Райковецкая — Сахновка — Волынцево (ЛРСВ), связанные происхождением с пражской культурой.

Несмотря на одновременность этих процессов и некоторое сходство керамики СДК и ЛРСВ, распространение последней на территорию Верхнего Поднепровья и Подвинья не прослеживается. И.О. Гавритухин подчеркивает, что облик пражской культуры фазы 3 (VII в.) определяют, прежде всего, сильно профилированные сосуды с S-видной верхней частью, нередко с усложненной моделировкой венчика; на такой основе невозможно объяснить наборы керамики последней четв. I тыс. на Северо-Западе России (Гавритухин, 2009. С. 21).

В то же время не исключается влияние южных керамических традиций (ЛРСВ и роменской) на керамику не только СДК, но и более северных древностей четвертой четв. I тыс. (блоки 6, 8, 9) — очевидно, уже благодаря проницаемости куль-

турных ареалов в преддревнерусское время. Об этом влиянии свидетельствует появление (не слишком масштабное) орнаментов — ложногребенчатого и пальцевого.

Итак, два основных сюжета формирования керамических наборов четвертой четв. I тыс. Северо-Запада (керамика с ребром и без ребра) находят свои истоки среди местных древностей — конкретно, на территории от верховьев Волги, Двины и Мсты до Ильмена. Заглянув в эпоху четвертой четв. I тыс., можно утверждать, что на большинстве памятников присутствуют в разных соотношениях обе основные формы лепной керамики (Конецкий, 2003. С. 210; Лопатин, 2006. С. 339; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 482). Выделяются три большие зоны, обозначенные выше как культурные блоки 6, 8 и 9. Блок 6: в Верхнем Поднепровье и Подвинье тотально преобладает керамика с закругленным плечом; ребристые профили крайне редки. Блок 8: в бассейнах Ловати и Великой также преобладает керамика с закругленным плечом, но ребристая составляет заметную, хотя и небольшую долю. Блок 9: в Поволховье, Приильменье и Помостье ребристая (ладожская) керамика преобладает над керамикой с закругленным плечом.

Наметить взаимосвязи конкретных регионов двух периодов (на рубеже третьей/четвертой четв. I тыс.) затруднительно. Вышеизложенный обзор приводит к следующему гипотетическому пониманию характера культурогенеза. В течение третьей четв. происходило довольно активное внутрорегиональное взаимодействие групп родственного населения, обладавших разными вариантами традиций в разных сферах культуры, в том числе гончарстве, земледелии и других видах хозяйства, погребальном обряде. Население было довольно многочисленным для своего времени и хорошо приспособленным к жизни именно в этих условиях, что привело к росту его численности и приблизительно в пределах VIII в. к расселению в нескольких направлениях. Этот процесс можно называть “второй волной” славянского заселения Северо-Запада, коль скоро это понятие распространено в науке. Однако изложенная трактовка является альтернативой гипотезе о дальней (с юга) массовой миграции большой массы славян.

В рамках расселений VIII в. сформировалась культура СДК — в Смоленском Подвинье с последующим расширением к югу и западу; в ее ареале началось развитие раннегородских центров — Смоленска, Витебска, Лукомля, Полоцка. Трудно судить, сопровождалось ли освоение территории “разгромом” носителей культур Тушемля-Банцеровщина, поскольку имеющиеся данные не позволяют синхронизировать те или иные следы пожаров и других событий.

Другими пространственными вехами колонизации стали известные памятники — Городок на

Ловати, Псков, Камно, Изборск. Их культура имеет много общего как между собой, так и с культурой поселений ареала СДК. В ряде регионов новая культура сменяет древности ПДК с архаичными традициями, но и здесь пока недостаточно данных для выводов о характере взаимодействия абorigенов и мигрантов.

Отдельная группа переселенцев достигла низовьев Волхова, основав Ладогу и таким образом обозначив крайнюю точку культурного ареала с ладожской керамикой, включившего также ряд микрорегионов в Приильменье, бассейнах Мсты, Луги и Плюссы. Представляется, что собранные здесь данные из ареала от Витебского Подвинья до Верхневолжья и Приильменья позволяют уже не считать Староладожское поселение самым ранним пунктом фиксации керамики ладожского типа.

Необходимо попытаться понять, в чем причина такой особой роли, которую, вероятно, сыграл этот регион (от Ильмена до Верхней Волги) в формировании и распространении культурных традиций во всей северной Руси. Рассматриваемый регион включает в себя верховья трех важнейших рек — Западной Двины, Волги и Мсты с многочисленными вариантами переходов между речными системами. Однако, поскольку речь идет о периоде третьей четв. I тыс., то время функционирования трансконтинентальных водных путей еще не настало.

История освоения региона ранними славянами началась еще до середины I тыс. н.э., когда носители древностей круга Заозерье-Узмень достигли верховьев Западной Двины, что позволило им двигаться дальше в Верхневолжье, Помостье и по р. Поле — в Приильменье. Этническая принадлежность этого населения дополнительно к нашим данным подтверждается недавним ономастическим исследованием В.Л. Васильева, обосновавшим славянскую этимологию гидронима Двина как “двойная”, что одновременно локализует важнейший для славян того времени пункт — место слияния почти равновеликих рек — Двины верхнего течения и Мёжи (Васильев, 2019). В этом пункте исследован И.И. Еремеевым археологический комплекс Горяне, что подтвердило существование здесь поселения начиная с V–VII вв. (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 321–324). Ранняя керамика в Горянах немногочисленна и в основном представлена мелкими фрагментами, но можно все же заметить, что присутствуют “перспективные” формы, в том числе с намеченным ребром (Рис. 291, 292, 300, 301). К сожалению, весь регион верховьев Двины изучен до сих пор только разведками (С. 384), еще слабее исследован бассейн Мёжи.

Пределы дальнейшего расселения в третьей четверти I тысячелетия показывает граница распространения ПДК по Мологе и Чагодоше, хотя,

как мы знаем, далеко не все группы населения практиковали курганный обряд (Михайлова, 2021). По всей видимости, освоив данную территорию, славяне оказались в обширной зоне, в которой сложился оптимальный баланс природных условий для ведения хозяйства (леса, водоемы, почвы), удобных внутрирегиональных коммуникаций и спокойной политической обстановки. Эти условия, возможно, и предопределили успешное развитие общества и демографическое преимущество по отношению к родственным группам, заселявшим Верхнее Поднепровье и Подвинье, Псковско-Чудской и ряд других регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубенько Т.С.* Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области: исследования 2017–2018 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: в 2 кн. Кн. 2 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 272–298.
- Васильев В.Л.* Еще раз о названиях рек Волга, Западная Двина и Днепр // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 9–32.
- Воронцов А.М.* Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2013. 173 с.
- Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Междунар. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009 (Труды Гос. Эрмитажа; 49). С. 7–25.
- Горюнова В.М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 47). 328 с.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курск, 1990. 262 с.
- Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 44). 696 с.
- Еремеев И.И.* Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2 (26). С. 67–92.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 36). 670 с.
- Исланова И.В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 302 с.
- Исланова И.В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской гос. ун-т, 2006. 286 с.
- Исланова И.В.* Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). М.: ИА РАН, 2012 (Раннеславянский мир; вып. 14). 218 с.
- Исланова И.В.* Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир; вып. 15). С. 26–44.
- Исланова И.В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 136–220.
- Исланова И.В.* О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение средневековых культур: к 60-летию А.М. Обломского / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцев. М.: ИА РАН, 2017 (Раннеславянский мир; вып. 19). С. 82–89.
- Исланова И.В.* О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 237–248.
- Исланова И.В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: монография. (В печати).
- Казанский М.М.* О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.) // Археологические вести. Вып. 28. СПб., 2020. С. 258–271.
- Касюк А.Ф.* Беларуская Палессе ў канцы VII–VIII ст. — пачатку X ст. н.э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: в 2 кн. Кн. 2 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 622–658.
- Колосовский Ю.В., Штыхов Г.В.* Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области // Материалы по археологии Беларуси. Вып. 9. Минск, 2005. С. 112–120.
- Конецкий В.Я.* Славянская колонизация Южного Причудья на фоне общих этнокультурных процессов Северо-Запада // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Московский гос. ун-т печати, 2003. С. 206–213.
- Конецкий В.Я.* Этнокультурные процессы во второй половине I тыс. н.э. в микрорегионе Окуловских озер // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30 / Отв. ред. В.Л. Янин. СПб.; Великий Новгород: Любавич, 2016. С. 306–323.
- Кренке Н.А., Еришов И.Н., Раева В.А., Войцик А.А., Лавриков М.В.* Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Авт.-сост. Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2020. С. 30–48.

- Лопатин Н.В.* О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 2003. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин Н.В.* Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова / Ред. И.К. Лабутина и др. Псков: Псковский гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2006. С. 333–341.
- Лопатин Н.В.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы LII заседания / Ред. И.К. Лабутина и др. Псков: ИА РАН, 2007. С. 217–231.
- Лопатин Н.В.* Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре // Российская археология. 2018. № 4. С. 53–65.
- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 8). 251 с.
- Макушников О.А.* Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.
- Массалитина Г.А.* Лепная керамика городища и селища Мощины // Краткие сообщения Института археологии. 1993. Вып. 208. С. 46–52.
- Медведев А.М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.
- Минасян Р.С.* Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982. С. 24–29.
- Михайлова Е.Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 428 с.
- Михайлова Е.Р.* Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности // Археологические вести. Вып. 31. СПб., 2021. С. 197–207.
- Нефёдов В.С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара 1996–1999 / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Псковский гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2000. С. 191–199.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 159–180.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 349–394.
- Обломский А.М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 10–113.
- Плавінскі М.А.* Курганні могілнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер’я. Мінск: А.М. Янушкевіч, 2017. 242 с.
- Плавинский Н.А., Тарасевич В.Н.* Предварительные результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н.э. Нарвы II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов республики Беларусь // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 263. С. 298–326.
- Платонова Н.И., Жеглова Т.А.* Заполье-3 – местонахождение “предсопочной” культуры в верхнем Полужье // Археологические вести. Вып. 31. СПб., 2021. С. 179–195.
- Плохов А.В.* Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч. конф. Вып. 4–5. Новгород, 1992. С. 119–124.
- Плохов А.В.* Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Труды Ин-та истории материал. культуры РАН; т. 18). С. 74–81.
- Плохов А.В.* Древности VIII века у истока Волхова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 3. С. 155–165.
- Плохов А.В., Торопов С.Е.* Городок на Шелони – “забытый” памятник эпохи раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2013. С. 251–277.
- Попов С.Г.* Городище Сторожинец // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198. С. 45–56.
- Седов В.В.* Лепная керамика Изборского городища // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 155. С. 63–67.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 415 с.
- Сениченкова Т.Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII – начало X в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы 56-го заседания / Отв. ред. И.К. Лабутина. М.: Псков: ИА РАН, 2011. С. 211–228.
- Шмидт Е.А.* Длинные курганы у д. Слобода Глушица // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 177–192.
- Шмидт Е.А.* Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье // Смоленские древности. Вып. 2. Городища Смоленской земли. Смоленск, 2002. С. 98–166.
- Шмидт Е.А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003. 296 с.

Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008. 256 с.

Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных. Смоленск: Свиток, 2012. 168 с.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

ON THE ORIGIN OF THE LATER HAND-MADE POTTERY FORMS OF THE RUSSIAN NORTH-WEST

Nikolay V. Lopatin^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: n.lopatin@gmail.com

Based on the pottery material, the paper considers the origin of archaeological cultures of the last quarter of the 1st millennium AD in the northern part of the settlement area of the East Slavic tribes, which became the basis for the formation of the Novgorod, Smolensk and Polotsk lands. The author proposes a new hypothesis, albeit based on the observations of a number of modern researchers: two main patterns for the formation of pottery assemblages in the fourth quarter of the Russian North-West – ribbed pottery (Ladoga type) and non-ribbed one (with a rounded shoulder) – find their origins among local antiquities, on territories from the upper reaches of the Volga, Dvina and Msta to Lake Ilmen. The study traces connections that fill the apparent cultural gap of the 8th century. At an earlier time (the second quarter of the 1st millennium), these traditions began to take shape in the Upper Dnieper and Dvina regions. The paper challenges the concept of the “second wave” of Slavic colonization of the North-West based on distant mass migration.

Keywords: long mounds, Udomlya type, hand-made pottery, Ladoga type, early Slavs.

REFERENCES

- Buben'ko T.S., 2019. A settlement of the archaeological complex near the village of Zaronovo, Vitebsk District of Vitebsk Region: research in 2017–2018. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period]*, 2. O.N. Levko, V.G. Belevets, eds. 2nd edition. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 272–298. (In Russ.)
- Enukov V.V., 1990. Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskikh krivichey (po arkheologicheskim materialam) [Early stages of formation of the Smolensk and Polotsk Krivichs (based on archaeological materials)]. Moscow; Kursk. 262 p.
- Eremeev I.I., 2015. Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona (ocherki srednevekovoy arkheologii i istorii Pskovsko-Beloruskogo Podvin'ya) [Antiquities of the Polotsk Land in the historical studying of the East Baltic region (Studies in medieval archaeology and history of the Pskov-Belarusian Dvina region)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 696 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 44).
- Eremeev I.I., 2019. Planigraphy and chronology of the earliest stages of the the Rurikov hillfort. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (26), pp. 67–92. (In Russ.)
- Eremeev I.I., Dzyuba O.F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki [Studies on the historical geography of the forest part of the Route from the Varangians to the Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 36).
- Gavritukhin I.O., 2009. The concept of the Prague culture. *Slozhenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [The formation of Rus statehood in the context of the early medieval history of the Old World: Proceedings of the International conference]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 7–25. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, 49). (In Russ.)
- Goryunova V.M., 2016. Gorodok na Lovati X–XII vv. (k probleme stanovleniya goroda Severnoy Rusi) [Gorodok on the Lovat, 10th–12th centuries (to the formation of towns in Northern Rus)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 328 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 47).
- Islanova I.V. Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II–VIII vv. n.e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty: monografiya [Cultural and historical processes in the 2nd–8th centuries AD in the Upper Volga and the Upper Msta regions: Monograph]. (In print).
- Islanova I.V., 1997. Udomel'skoe Poozer'e v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ya [Udomel lake region in the Iron Age and Early Middle Ages]. Moscow: Editorial URSS. 302 p.
- Islanova I.V., 2006. Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e [The Upper Msta river region in the Early Middle Ages]. Moscow: Tverskoy gosudarstvennyy universitet. 286 p.
- Islanova I.V., 2012. Drevnosti v verkhov'yakh Volgi (ranniy zheleznyy vek i rannee srednevekov'e) [Antiquities in the Upper Volga region (Early Iron Age and Early Middle Ages)]. Moscow: IA RAN. 218 p. (Ranneslavyanskiy mir, 14).

- Islanova I.V.*, 2014. Sites of the Podol type (cultural contacts of the Upper Volga population in the third quarter of the 1st millennium AD). *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Issues of interaction between the population of Eastern Europe in the Migration period]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–44. (Ranneslavyanskiy mir, 15). (In Russ.)
- Islanova I.V.*, 2016. Early medieval groups of sites in the North-West of Eastern Europe. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 136–220. (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)
- Islanova I.V.*, 2017. On the cultural transformations of early medieval antiquities on the Volga–Baltic watershed. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie srednevekovykh kul'tur: k 60-letiyu A.M. Oblomskogo [Europe from La Tène to the Middle Ages: The barbarian world and the emergence of medieval cultures: to the 60th anniversary of A.M. Oblomsky]*. V.E. Rodinkova, O.S. Romyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 82–89. (Ranneslavyanskiy mir, 19). (In Russ.)
- Islanova I.V.*, 2018. Later burial sites in the eastern area of the Pskov long kurgans culture. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 251, pp. 237–248. (In Russ.)
- Kasyuk A.F.*, 2019. Belarus Polesia in the late 7th – 8th century – early 10th century AD. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period]*, 2. O.N. Levko, V.G. Belevets, eds. 2nd edition. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 622–658. (In Belarusian).
- Kazanskiy M.M.*, 2020. On the settlement of the Slavs in the forest zone of Eastern Europe: Early medieval attire of Danubian origin (6th–9th centuries). *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 28. St. Petersburg, pp. 258–271. (In Russ.)
- Kolosovskiy Yu.V., Shtykhov G.V.*, 2005. Archaeological complex near the village of Kazinovo, Gorodok District of Vitebsk Region. *Materialy po arkheologii Belarusi [Materials on the archaeology of Belarus]*, 9. Minsk, pp. 112–120. (In Russ.)
- Konetskiy V.Ya.*, 2003. Slavic colonization of the Southern Chud region against the background of the general ethno-cultural processes in the North-West. *Pskov v rossiyskoy i evropeyskoy istorii (k 1100-letiyu letopisnogo upominaniya) [Pskov in Russian and European history (to the 1100th anniversary of the first chronicle mention)]*, 1. V.V. Sedov, ed. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati, pp. 206–213. (In Russ.)
- Konetskiy V.Ya.*, 2016. Ethnocultural processes in the second half of the 1st millennium AD in the Okulovka lake microregion. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 30. V.L. Yanin, ed. St. Petersburg; Velikiy Novgorod: Lyubavich, pp. 306–323. (In Russ.)
- Krenke N.A., Ershov I.N., Raeva V.A., Voytsik A.A., Lavrikov M.V.*, 2020. Pottery of the 8th–11th centuries from the earliest layer on the Cathedral Hill of Smolensk. *Smolenskaya keramika VIII–XIX vv. Noveye materialy i starye kolleksii [Smolensk pottery of the 8th–19th centuries. New materials and old collections]*. N.A. Krenke, comp. Smolensk: Svitok, pp. 30–48. (In Russ.)
- Lopatin N.V.*, 2003. On the origin and local features of pottery associations of the Pskov long burial mounds. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 214, pp. 43–58. (In Russ.)
- Lopatin N.V.*, 2006. The main concepts of the settlement of the North-West of the Russian Plain by the Slavs. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: materialy LI nauchnogo seminar, posvyashchennogo pamyati akademika V.V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land: Proceedings of the LI Scientific seminar in memory of Academician V.V. Sedov]*. I.K. Labutina, ed. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 333–341. (In Russ.)
- Lopatin N.V.*, 2007. Issues of studying Izborsk pottery. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy LII zasedaniya [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov seminar: Proceedings of the LII meeting]*. I.K. Labutina, ed. Pskov: IA RAN, pp. 217–231. (In Russ.)
- Lopatin N.V.*, 2018. Pottery of the upper horizons of the Tushemlya and Bantserovshchina fortified sites. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 53–65. (In Russ.)
- Lopatin N.V., Furas'ev A.G.*, 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n.e. [Northern frontiers of the early Slavic world in the 3rd–5th centuries AD]. Moscow: IA RAN. 251 p. (Ranneslavyanskiy mir, 8).
- Makushnikov O.A.*, 2009. Gomel'skoe Podneprov'e v V – serepine XIII vv.: sotsial'no-ekonomicheskoe i etnokul'turnoe razvitie [Gomel area of the Dnieper region in the 5th – middle 13th centuries: Socio-economic and ethno-cultural development]. Gomel': Gomel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni F. Skoriny. 218 p.
- Massalitina G.A.*, 1993. Hand-made pottery of the fortified settlement and settlement of Moshchiny. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 208, pp. 46–52. (In Russ.)
- Medvedev A.M.*, 2011. Verkhnee Poneman'e v zheleznom veke i rannem srednevekov'e [The Upper Neman region in the Iron Age and Early Middle Ages]. Minsk: Belaruskaya navuka. 350 p.
- Mikhaylova E.R.*, 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiya i khronologiya [Grave goods of the Pskov long mound culture: Typology and chronology]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 428 p.
- Mikhaylova E.R.*, 2021. Mound traditions of the North-West of the Russian Plain: on the development and continuity. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 31. St. Petersburg, pp. 197–207. (In Russ.)
- Minasyan R.S.*, 1982. The issue of the Slavic settlement of the forest zone of Eastern Europe in the light of archaeological data. *Severnaya Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ya [Northern Rus and its neighbours in the early Middle Ages]*. A.D. Stolyar, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 24–29. (In Russ.)

- Nefedov V.S., 2000. On the time of the emergence of the Smolensk-Polotsk long mound culture. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: materialy nauchnogo seminara 1996–1999 [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land: Proceedings of the Scientific seminar 1996–1999]*. V.V. Sedov, ed. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy ob"edinennyi istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 191–199. (In Russ.)
- Nosov E.N., Plokhov A.V., 2002. New research in the Ilmen Lake area. *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya [Ladoga and its neighbours in the Middle Ages]*. A.N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 159–180. (In Russ.)
- Nosov E.N., Plokhov A.V., 2016. A settlement and burial ground on Lake Syezzheye. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 349–394. (Ranneslavianskiy mir, 17). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2016. The Kolochin culture. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 10–113. (Ranneslavianskiy mir, 17). (In Russ.)
- Platonova N.I., Zheglova T.A., 2021. Zapolye-3 – a locality of the “pre-Sopki” culture in the Upper Luga region. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 31. St. Petersburg, pp. 179–195. (In Russ.)
- Plavinskiy M.A., 2017. Kurgannyi mogil'nik Pagoshcha ŷ kantekestse sinkhronnykh starazhytnastyay Braslaj'skaga Paazer'ya [The mound cemetery of Pagoshcha in the light of synchronous antiquities of Breslav lake region]. Minsk: A.M. Yanushkevich. 242 p.
- Plavinskiy N.A., Tarasevich V.N., 2021. Preliminary results of the excavations at the Nauriy II necropolis dating to the second half of the 1st millennium AD in the context of the studies of burial sites in the northern regions of the Republic of Belarus. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 263, pp. 298–326. (In Russ.)
- Plokhov A.V., 1992. Hand-made pottery of the central Ilmen region and Slavic settlement (to the formulation of the problem). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: tezis nauchnoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology: Abstracts of the Scientific conference]*, 4–5. Novgorod, pp. 119–124. (In Russ.)
- Plokhov A.V., 2005. Hand-made pottery of Ryurikovo Gorodishche. *Nosov E.N., Goryunova V.M., Plokhov A.V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya [The fortified settlement near Novgorod and the settlements of the northern Ilmen region]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 74–81. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 18). (In Russ.)
- Plokhov A.V., 2008. Antiquities of the 8th century at the source of the Volkhov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*. Series 2, iss. 3, pp. 155–165. (In Russ.)
- Plokhov A.V., Toropov S.E., 2013. A town on the Shelon – a “forgotten” site of the early Middle Ages. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 27. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod, pp. 251–277. (In Russ.)
- Popov S.G., 1989. The fortified settlement of Storozhinets. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 198, pp. 45–56. (In Russ.)
- Sedov V.V., 1978. Hand-made pottery of the Izborsk fortified settlement. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 155, pp. 63–67. (In Russ.)
- Sedov V.V., 1995. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the Early Middle Ages]. Moscow: Fond arkheologii. 415 p.
- Senichenkova T.B., 2011. Some remarks on the formation of the Ladoga pottery complex (middle 8th – early 10th century). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 56-go zasedaniya [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov Seminar: Proceedings of the 56th meeting]*. I.K. Labutina, ed. Moscow: Pskov: IA RAN, pp. 211–228. (In Russ.)
- Shcheglova O.A., 2002. Lead-tin ornaments of the 8th–10th centuries in the North-West of Eastern Europe. *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya [Ladoga and its neighbours in the Middle Ages]*. A.N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 134–150. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 1963. Long mounds near the village of Sloboda Glushitsa. *Tret'yakov P.N., Shmidt E.A. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient fortified settlements of the Smolensk land]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 177–192. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 2002. The Samsontsy fortified settlement in Smolensk area of the Dvina region. *Smolenskie drevnosti [Smolensk antiquities]*, 2. Gorodishcha Smolenskoy zemli. Smolensk, pp. 98–166. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 2003. Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n.e. Tushemlinskaya kul'tura [The Upper Dnieper and Dvina region in the 3rd–7th centuries AD. The Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.
- Shmidt E.A., 2008. Zaozer'e. Arkheologicheskiy kompleks IV–XII vekov [Zaozerye. Archaeological complex of the 4th–12th centuries]. Smolensk. 256 p.
- Shmidt E.A., 2012. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya (v svete arkheologicheskikh dannykh [Krivichs of Smolensk area of the Dnieper and Dvina region (in the light of archaeological data)]. Smolensk: Svitok. 168 p.
- Vasil'ev V.L., 2019. The names of the Volga, Western Dvina and Dnieper rivers: the issue revisited. *Voprosy onomastiki [Issues of onomastics]*, vol. 16, no. 4, pp. 9–32. (In Russ.)
- Vorontsov A.M., 2013. Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological horizons of sites of the 2nd–5th centuries in the Oka-Don watershed]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole”. 173 p.